

Выдающемуся
татарскому поэту
Сибгату Хакиму –
100 лет
со дня рождения

23

Поэма

Сибгат Хаким

Комната № 40

1

Ати! Отец! С базара из Атни!
Он лихо разворачивает сани.
Его приезд для нас, для ребятни,
Ярчайший праздник! Посудите сами:
Из-под заснеженного сена для коня
(Как сладко сердце бьётся, замирая!)
Из белого мешка, волнуя и дразня,
На свет является светило каравая!
Но это – всем... А что же для меня?
Впервые – книга! И не чья-нибудь – Тукая!
Впервые в дом вошёл, в мою судьбу,
С родными сказками, с морозными снегами,
Своей улыбкой озарил избу,
Околдовал волшебными стихами
Избу, в которой над лапшой – пар,
Где царствовал, сияя, самовар...

Но кончено!
Гори, огонь, пылай!
На трон мальчишеской души взошёл Тукай!

Приходит молодость. Тукай – дорожке брата.
И у меня пушок темнеет над губой.
Джигиты, парни холостые, – то что надо,
Мы оба горячи, мы оба рвёмся в бой.
Нам каждому по двадцать семь. (Не просто...
Ему – навеки двадцать семь. А я
Трагический, счастливый этот возраст
Переживу...)
О пламя бытия!
Ты в эти годы озаряешь души
И закаляешь их в своём огне!
Всё впереди – мечты, надежды, дружбы.
Любовь – и та всего лишь снится мне.
Тукай со мною. Дух его могучий
Крылами воздух вспенил надо мной.
На край земли, через леса и кручи,
Я с ним готов идти в мороз и зной!
Тукай со мною. Дух его могучий.
Два гордых независимых крыла –
Одно ласкающее, а другое бьющее –
Судьба мне в помощь навсегда дала.
И «Пара лошадей»*, Тукаем запряжённых,
Моих поэм гнедые, мчат вперёд,
В Казань, в Поэзию, в обитель посвящённых.
Тукай со мною. Он не подведёт.
Лечу – весёлый, сильный, бесшабашный!
И воздух пенится, и вольно дышит грудь.
Лечу, пьянея – сам шайтан не страшен,
Когда Тукай указывает путь!
С разлёта – в гору!
С праздника – на праздник!
Как жизнь пестра – в глазах рябит до слёз!
Мелькают лица встречных, пятна красок,
Пестрит в глазах от песен и берёз.
Вперёд, вперёд! За снеговой равниной
Мне новый чудится, раскрытый горизонт –
Страна Поэзии – простор необозримый,
Великолепие её высот, красот...
Я гнал коней. Метель свирепо выла.
Вдруг взмыленные кони – на дыбы! –
И прочно стали, словно их схватила
Железная рука самой Судьбы.

* «Пара лошадей» – первая поэма С. Хакима.

«Эй, хватит, опустись на землю. Пёхом,
Сам – за верстой версту пересчитай!»
А вёрсты – пятилетки и эпохи...
Но рядом, словно старший брат, – Тукай.
А вёрсты – снег, запёкшийся от крови,
А вёрсты – сквозь войну, окопы, рвы...
В каких буранах заблудились вы,
Где, на каких фронтах, мои гнедые кони?
Раскалены стволы орудий. Бой!
Нам пулемёты обжигают руки.
Но и в бою не знаем мы разлуки,
Он рядом, в пекле, на передовой.
И понял я – живёт в моей крови
Его поэзия, она меня хранила,
И красоту родной земли открыла,
И окрылила навсегда – в любви!
А от любви излечишься навряд ли.
И в том, что, мучаясь, живу – не упрекай.
Три имени всю жизнь звучали клятвой:
Великий Пушкин, Лермонтов, Тукай.
Тукаем перечень высокий завершаю.
Пора и мне свой подвести итог.
Я дал в день пятницы священной обещанье,
Зарок: Тукаю свой сплести венок.
Ведь даже те, чья жизнь проходит на чужбине,
Так тянутся порой к истокам, к родникам,
И возвращаются, тоскуя о рябине...
Немолод я... Мороз ударил по вискам.
Пока ясны глаза и голова,
Не знай, душа моя, успокоенья!
Спешите, точные и сочные слова,
Гори во мне, огонь святого вдохновенья!
Тукай! Твоя поэзия жива.
Ей возродиться в каждом поколеньи!

2

Когда я места сам себе не нахожу,
Когда перо в руке отяжелело,
Часами я по городу брожу
И замечаю вдруг, что прихожу
К большому дому, где иная жизнь кипела.
Когда-то здесь гостиница была.
Шумел Сенной базар... Торговый угол...
Здесь жил Тукай, Поэзия жила...
А номера именовались «Булгар».
Как на свиданье – жду чего-то под окном.
А свет его в ночи как уголь.
Навек священен этот старый дом.
И гроб Сайдашева задел об этот угол...

Жизнь продолжается.
 И, словно вечный суд,
 С начала века спор жестокий длится:
 Тукаем восхищаются, поют.
 Его клянут,
 Как будто должен возвратиться,
 И появления его с тревогой ждут
 Фанатики, защитники «традиций»,
 Барышники, менялы, торгаши,
 Мечтающие обмануть полмира, –
 Те самые, из «уголка кяфира»,
 Над кем поэт наш посмеялся от души.
 Цела мечеть, хоть минарета нет.
 Она не примет твоего поклона,
 Не возвратит, как прежде, твой привет.
 А за углом – гараж, автоколонна.
 Сквозь шум столетья
 Крики зазывал
 Здесь, на углу, я слышу неизменно...
 И оживает та эпоха постепенно,
 Где все убытки от продажи сена
 Народ казённой водкой заливал,
 В рассказах душу изливал, бывало...
 И времени арба не раз при мне
 Своею осью угол задевала
 И метки оставляла на стене.
 Народ стекался из Уральска и Кырлая,
 Родная речь спаяла даль и близь.
 Пути народа и пути Тукая
 Здесь, на углу, навек переплелись.

Пришёл в июле. Ночь грустна, печальна.
 И ждут рассвета серые дома.
 И мысли мучают, и там, на дне молчанья,
 Душа от боли за него темна...
 Зимой пришёл. Из-за угла, как ворог,
 Как старый мир, буран в лицо плевал
 Колючим снегом – по глазам, за ворот...
 Тем яростней его я проклинал!
 Тревожный угол... А тоска какая
 Охватит вдруг – средь бела дня, в ночи,
 Когда эпоха детским голосом Тукая
 Одно лишь слово: «Продали!» – кричит...
 Всё продали – муку, солому, сено,
 И песню продали, и человека с ней...
 А что не продано, что навсегда бесценно?
 Ах, «Булгар», памятка истории моей...
 Будь терпелив, но не сдавайся выюгам,
 Иди и думай об Истории родной,
 Которая – и государство Булгар,
 И грусть задумчивой мелодии степной.
 Народ мой, как тобою не гордиться!

Какие краски и слова нужны,
 Чтоб написать, как кандалы традиций
 Крушил когда-то сын твой – Марджани*!
 Кто говорит, что меркнут звёзды наши,
 Что пересох Истории родник?
 Звучит Тукай.
 И в путь зовёт Ямашев –
 Наш первый пламенный татарский большевик.
 Когда б не чувство веры в мой народ,
 Не написал бы я и пары строчек,
 Любовь к нему в душе звучит как колокольчик,
 А гордость силу жизни нам даёт.
 И пусть сугробы намедает непогода –
 Я прихожу, стою, хоть дел невпроворот.
 Здесь, на углу, История народа
 Крутой когда-то совершила поворот.
 Лишь на неё, поэт, в работе опирайся.
 Пусть кто-то огорчённо хмурит бровь –
 Гордись, пиши, в подробности вдавайся.
 Кровь на её страницах – наша кровь!

3

И летом, и зимою здесь бывал.
 И отсылал меня тревожный этот угол
 К моим истокам – я бродил, аукал,
 И поднимался на защитный вал,
 И с удивленьем озираю столицу Булгар.
 И в дверь Истории стучался. За дверьми:
 «А кто вам нужен-то?» – звучало постоянно.
 «Тукай мне нужен. И Сагит Рами.
 Ищу Дэрдменда и Фатиха Амирхана...»**
 Увы, приходит горе раньше нас,
 Сквозь запертые двери проникая.
 Свет вспыхивал в глубинах многих глаз,
 Когда я говорил: «Ищу Тукая...»

Спокоен дом, в котором я живу,
 Спокойно нынче озеро Лебяжье.
 Но нет покоя – ни во сне, ни наяву,
 Его эпоху сравниваю с нашей,
 Его чистой совестью – свою
 Пристрастно поверяю. Песней – песню.
 И честь свою – его высокой честью.
 Нет, чести я не уронил в бою!
 Я третью жизнь его, пожалуй, доживаю.

* Марджани – татарский учёный XIX века, историк.

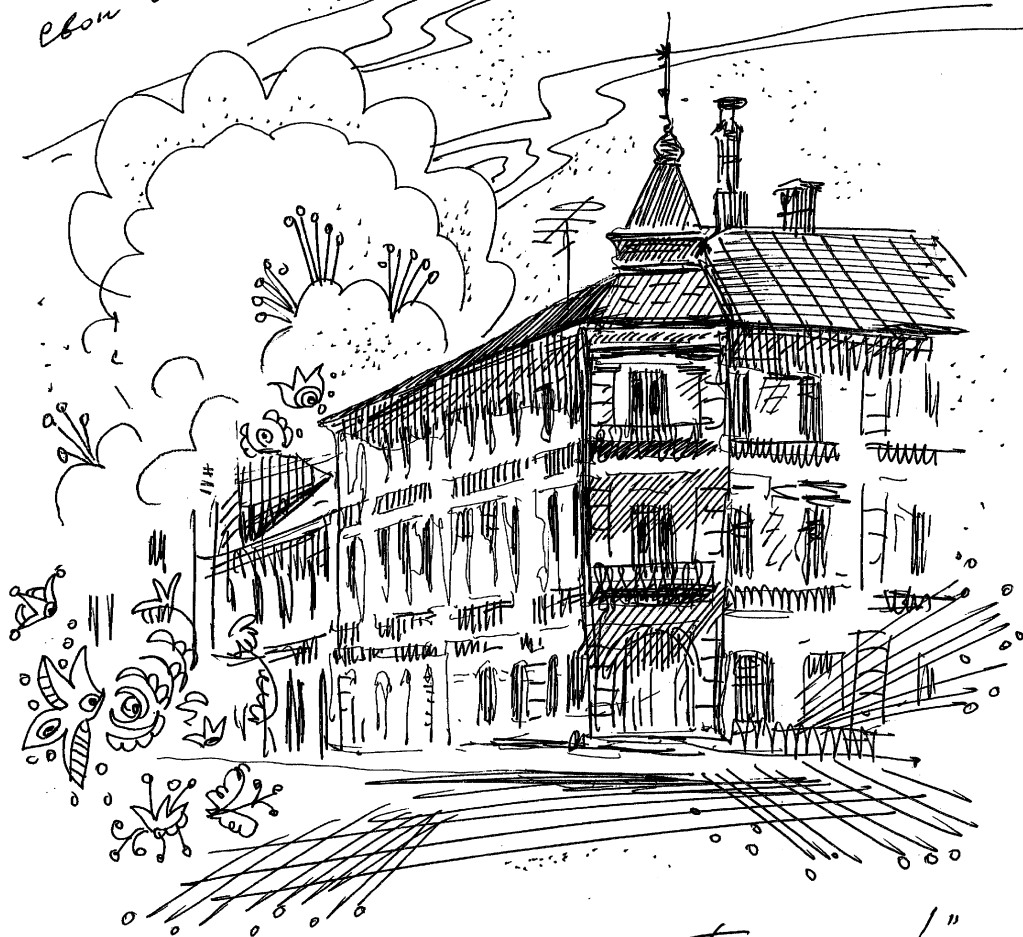
** Сагит Рамеев, Дэрдменд, поэты, Фатих Амирхан, прозаик, – современники Тукая.

Сравним ли труд мой с тем, что сделал он?
 Какую истинной живу, чего желаю?
 И верно ль понял творчества закон?
 Душа в тревоге.
 Думаю, гадаю.
 В чём силу обретаю я свою?
 Как спутник в космосе, вокруг него витаю,
 Тукаю верен – рядом с ним пою!
 Как не хватает мне его!
 Тоскует сердце.
 Всю жизнь, в любом краю, покоя нет.
 Оставив нам великое наследство,
 Уносят гении особый свой секрет...

Вхожу, как в прошлое, в былые номера,
 Вверх – лестница, старинные ступени.
 По ним прошли эпохи, поколенья.
 А стоит перестлать – уйдёт волненье,
 И не смогу ступить, как прежде, как вчера...
 Вверх, словно в гору, подниматься всё трудней.
 Ступени вытерты, в них выбоины, ямы...
 Хоть оторви и отнеси в музей –
 Следы Тукая и его друзей...
 Здесь в нашей славе поднимались Амирханы.
 Мне прошлое бросает свой упрёк:
 «Ты здесь чужой, а я покой оберегаю...»
 Но я уже переступил порог,
 В начало века тороплюсь, к Тукаю!
 Я – только путник... «Булгар», номера
 Свои открой мне, как шкатулку с чудесами.

...За дверью – голос радости с утра
 Ликует: «Слышали? Тукай, Тукай в Казани!»
 Восторженный, шальной от счастья крик,
 Подобный ярким искрам от кресала.
 Сама Казань, наверно, в этот миг
 Своё величие и славу осознала!
 Тукай, вершина, слава и любовь
 Восьми веков поэзии татарской...
 Всё ближе звук – весёлый звон подков,
 Коляска мчит
 По мостовой булыжной, тряской...
 «Слыхал? Тукай!
 Слыхал? Тукай в Казани!»
 О новость, радостью неслыханною жги!
 И, напрягая от волнения сознание,
 Я слышу лёгкие шаги –
 Его шаги...
 В начале века бурный пятый год
 В Уральске юношу своим огнём отметил,
 Чтоб голосом его запел народ,
 Чей рот был заткнут несколько столетий.
 Вручи народу сказку, песню, стих!
 И труд воспой, и край родной, и ветер...

В начале века торговались, к Тукаю!
я-тильско путник... "Булгар" номера
свои открой мне, как шкатулку с чудесами

Одно лишь слово: "Продали!"

Рис. Анвара Сайфутдинова

Полюбопытствовали: «Этот из каких?»
 «Он из татар!» – двадцатый век ответил.
 Достойный сын народа своего,
 Он, песней за собою увлекая,
 Добьётся чуда: в будущем с него
 Начнётся исповедь народная – с Тукая!

Поэт в Казани! Шум со всех сторон,
 Во всех кругах иной не знают темы.
 Потомки тех, над кем смеётся он,
 Не раз предложат «запретить» его поэмы!
 Поэт приехал! Всех надежд канун.
 На белый лист струятся мысли неустанно.
 Играет стих, как молодой скакун
 На сабантуе посреди майдана.
 Поэт явился – и народ обрёл язык.
 Какая мощная душа в хуруще теле!
 Какой хрустальной чистоты родник
 Заговорил... Как соловьи запели!
 Живая речь моей родной земли...
 А он ещё с мальчишками играет
 И в бабки режется на мостовой, в пыли,
 И точным глазом цель для битвы выбирает...
 Пролётки мимо пролетали – пыль вослед!
 Вражались бешено колёса новой эры.
 Вдруг из коляски: «Господин поэт!
 Я вас прочёл. И рад за вас без меры...»
 Вращаются колёса. Век спешит.
 Несутся вихрем замыслы и строки.
 «Поэт!» – мальчишек звание смешит.
 Да и его смущает этот сан высокий.

Живая речь земли моей родной...
 Твои ключи его поэзию питали.
 Открой мне, «Булгар», номер свой сороковой,
 Где думы целого народа обитали.
 Открыто. Ни задвижки, ни замка.
 Входи, смотри. Открыто не для вида.
 Для всех, для каждого – для друга, для врага.
 Что у поэта красть? Листок черновика?
 Чернильницу? Входи, кради – открыто!
 Плетёная корзина-сундучок –
 Вот всё его богатство... Ни комода,
 Ни гардероба... Тощий как стручок,
 Он пел как флейта у тебя в руках, Свобода!
 Не зря сюда, в его сороковой,
 В такую узкую, как лодка, комнатёнку,
 Казань входила, и Уфа с Москвой –
 Послушать, как поёт он чисто, звонко...
 Империя двуглавого орла –
 И независимость какой-то комнатухи?!

Но здесь и впрямь свободней жизнь текла,
Здесь как свои бывали Лермонтов и Пушкин.
Ценились широта, отвага, честь,
Стиха алмазного немеркнувшие грани.
Саади и Гомер бывали здесь,
И Байрон не погиб на поле брани.
Когда зарёй окрашено окно,
Приди,
увидишь – полыхают свечи,
Стихи пьянят сильнее, чем вино,
Горячий спор идёт давным-давно,
Кипят предосудительные речи...
На всех известных миру языках
Поэты мира плачут и смеются,
И как жандармы всех времён ни бьются,
Стихи стихами остаются, издаются,
А дураки – навеки в дураках!

Я приходил сюда и летом, и зимой.
Я представляю, как сидел он на постели,
Раскачиваясь, пел... Уже больной...
И капли пота на челе его блестели...
С трудом рождалась новая строфа...
Сидел он, бледный, лишь белки сверкали.
И все, кто сироте хоть словом помогали,
Все те, кто в путь собрали, воспитали,
В тот день, как добрая старушка Шарифа,
От горя и печали зарыдали...
Он, верный ритму плавного стиха,
Раскачиваясь, пел людские судьбы...
И не одна в тот день рыдала Зулейха
Над книгой о возлюбленном Юсуфе.
Как мало сделано, как необъятен мир!
Стучатся в двери. Отвечает: «Болен».
И воет ветер, холоден и сыр,
И веет прелою кладбищенскою хвоей.
Мы вдохновенья ждём. В душе темно.
Народ, История помогут...
Но безумно,
Безбожно редки в мире всё равно
Стихи, достойные любви Лейлы, Меджнуна...
Вновь «Булгар». Угол. Номера. Углы.
За окнами – морозный, острый ветер.
Густая ночь. И тучи тяжелы.
И не приходят мысли о рассвете.
Качаясь, словно жалуясь судьбе,
Он снова призывает вдохновенье.
Но воет ветер. И ему не по себе,
Душа устала.
Кажется, в смятенье,
Что льдинами сдавило конуру,
Как хрупкую лодчонку в океане.

И этот мир ему не по нутру.
И медные гроши на жизнь в кармане.
И сдавлено тяжёлое дыханье.
В печёнках сырость номеров сидит!
В деревню, в поисках тепла, морозной ранью
Поэт в попутных розвальнях летит.
Укройте шубой! Холод, холод, холод...
И песню спеть бы, да нельзя – мороз.
Он убегает от судьбы. Ведь он так молод!
А кто ещё на свете столько мёрз?
Всем телом, каждым нервом, каждой клеткой
Весне навстречу торопился он...
Навстречу зелени, ещё пахучей, клейкой,
В аул казахский нёс его вагон.
Он так устал... Считая дни, как чётки,
Устал взлетать и снова падать вниз.
А тут ещё проклятие чахотки!
И не спасут ни солнце, ни кумыс...
«Прощайте. Повидали – и довольно».
Как ненадолго был оплачен рай!
И вновь Казань.
И вновь темно и больно.
И вновь в своём сороковом – Тукай...
Открыто. Ни задвижки, ни замка.
Входи, смотри. Открыто не для вида.
Для всех всегда открыто на века,
Кради! Крадут – кто лист черновика,
Кто душу... Ведь она – как дверь – открыта...
Он в Петербурге побывал. И видел дом,
В котором умирал от раны Пушкин.
Тукай пришёл к нему своим путём.
Он знает – и ему звучать в грядущем.
Постылый мир! Унылый, жалкий быт!
Ах, Пушкин, гимны пели мы свободам!
Но разве не нависли над народом
Два бронзовых булыжника копыт
Коня петровского...

Тукай лежит. Он болен.
Вдруг дальний, лёгкий, чистый звук возник...
Там, в Питере, весной, в татарской школе
Его стихи, его «Родной язык»
Детишки пели для него, Тукая...
Звучи, мелодия, невинна и чиста!
Да, дети пели, губы раскрывая
На толщину бумажного листа,
Пугливо, пряча чёрные глазёнки
И головёнки робко опутив...
Прозрачный, как ручей весенний, звонкий,
До гроба будет помнить он мотив...
И словно солнца луч лица коснётся,
И улыбнётся он, закрыв глаза,
В больнице Клячкина...

Вдруг смолкнут голоса –
И он уснёт. И больше не проснётся.

Трудолюбивый, бедный мой народ!
Великий сын твой умер словно нищий.
Тукай ушёл...
И оторопь берёт:
Да как же так? Ведь шли за гробом тыщи...
Все промолчали, как воды набрали в рот!
Раздался только голос Амирхана –
Он застонал, когда пришла беда,
Как стонут, если вдруг открылась рана:
«Такое пусть не повторится никогда...»

Великие уходят... Вслед за ними,
Как звёзды, новые восходят имена...
Народ мой, береги сынов – и ныне,
И впредь – в нелёгкие, крутые времена...
Тукай – язык мой. Равного не знаю.
Он – школа, свет, когда вокруг темно.
К своим истокам, родина, к Тукаю,
Я верю, ты вернёшься всё равно.
И помни, помни: есть на свете «Булгар»,
Трагический, как жизнь, сороковой...
В том номере – душа... Тукай не умер!
Сходи – он сам поговорит с тобой.
Я приходил туда, когда звала тревога.
Вновь представлял его лицо, глаза.
Какой мучительной была его дорога...
А думы в нём клубились как гроза!
Я вспоминал, как от развалин Булгар
С людьми, с цветами белый пароход
В эпоху нашу шёл с победным гудом,
И нёс цветы Тукаю весь народ.
Растёт страна. В моём родимом крае
И он растёт – я узнаю издалека! –
На площадях Казани и в Кырлае
Он, бронзовый, поднялся на века!
Спеши к Тукаю, молодое поколение,
Укрась цветами стройный пьедестал!
«Родной язык» – его стихотворенье,
Его завет – народным гимном стал!
Бессмертно, как народ, родное слово.
Звучать ему и в праздник, и в беду.
Бежит, струится нить дороги новой.
А годы вдаль зовут. И я иду...

1971

*Перевод
Николая Беляева*